

Междисциплинарность в условиях фрагментированной дисциплинарности: возможности и тупики

Внутренние и внешние условия существования социологии, как она сложилась на сегодня в России и в мире, делают ее одновременно открытой и закрытой для междисциплинарных связей, как способствуют этим связям в одних аспектах, так и блокируют их в других.

1. Социология на протяжении всей своей истории была открытой для работоспособных связей с другими дисциплинами, но по-настоящему для таких соединений шлюзы открылись на рубеже 60-х – 70-х гг. XX в. [1].

1.1. Это связано с крушением проекта единой большой социологии, выстроенного вокруг позитивизма, стремительным выходом на сцену целого ряда альтернативных «парадигм» (исследовательских программ) и быстрой нормализацией состояния «мультипарадигмальности» и «теоретического плюрализма».

1.2. Это привело к распаду единства предмета социологии и расколу ее на множество параллельно и относительно самостоятельно развивающихся социологий («направлений»).

1.3. Эти размножившиеся автономные «направления» обросли своими институциональными оболочками и сформировали свои особые каноны. В зависимости от позиции относительно распавшегося общего предметного поля социологии они были открыты и чувствительны к одним комбинациям и синтезам с другими дисциплинами и закрыты для других.

1.4. Полем борьбы множественных парадигм и программ стала не только социология в целом, но также отраслевые подразделения и области исследования в рамках сложившейся в социологии системы специализаций. В каждой из отраслей и областей эта борьба имела свою особую историю и свои исходы, породив дополнительные фрагментации на их уровне. Успехи альтернативных парадигм и программ в этой борьбе за отрасли и области и за утверждение в них создали в них множественные открытости/закрытости для связей междисциплинарного характера; некоторые из этих альтернатив (в первую очередь антипозитивистские) были особенно открыты для импортов из других дисциплин и склонны использовать ресурсы других дисциплин в борьбе с более традиционными социологическими точками зрения; итогом стало систематическое диффузное размывание дисциплинарных границ между социологией и другими науками внутри содержательного социологического теоретизирования (в отличие от формального) и в сфере исследований.

1.5. Экспоненциальный рост числа исследований и публикаций [2] – связанный с экологическими давлениями на социологов, их поисками новых позиций и тематических и институциональных ниш, равно как новизны и свежести как таковой, значимой с точки зрения профессионального успеха и развития карьер, – имел следствием лавинообразное умножение все более дробных тематических специализаций с соответствующими ограниченными канонами (нередко выстраиваемыми сугубо прагматически) и естественной склонностью к использованию ресурсов разного происхождения, в разных случаях очень разных, иногда почти каких угодно (в силу синтетического характера исследуемых эмпирических объектов). Это ещё один пласт, или уровень, меж- и трансдисциплинарности, инкорпорированный в саму ткань фактически практикуемой социологии или того, что еще продолжает так называться. На этом уровне предметные границы социологии могут быть – и нередко действительно оказываются – полностью размываемыми.

1.6. Соответственно, если брать социологию целиком, со всеми ее наслаивающимися друг на друга множественными дифференциациями, плюрализациями, специализациями, фрагментациями, существующими на разных ее уровнях (от метатеории до эмпирических исследований), со всеми ее размножившимися большими, средними и малыми канонами, которые обособляют разные ее фрагменты от всего прочего, то мы увидим, что в разных частях социологического (или называемого «социологическим») знания широко распахнуты ворота для разного рода соединений и импортов из других дисциплин и областей знания: философии, социальной философии, политологии, антропологии, экономики, экологии, лингвистики, истории, культурологии, литературоведения и литературной критики, герменевтики, семиотики, кибернетики, психоанализа, социальной политики, культурной политики, медиологии, психологии, социальной географии, нейропсихологии и т.д. Примеры междисциплинарно заряженных областей: исследования национализма, гендерные исследования, феминизм, исследования дискурса и репрезентаций, городские исследования, исследования лояльности и т.д.

1.7. Таким образом, говорить о том, что социология закрыта для междисциплинарных связей и плохо вписывается в междисциплинарные программы исследований, было бы опрометчиво. Многочисленными своими фрагментами она *de facto* вплетена в междисциплинарные соединения. Это можно оценить не только позитивно, но и негативно: она давно утратила единый дисциплинарный канон, целостность, предметную определенность и ясные предметные очертания.

2. На практике, при всей такой вживленной междисциплинарности, социология тут и там обнаруживает неподатливость междисциплинарным соединениям и жизнеспособному синтезу с другими областями знания. Она существует во внутренних и внешних для нее институциональных рамках, с одной стороны – плюралистических и гибких, с другой стороны – жестких. В закрытии социологии для связей с другими дисциплинами у нас играют важную роль следующие институциональные ограничители: обособленные факультеты и кафедры (департаментализация); административно принятая (в том числе на государственном уровне) номенклатура специальностей с соответствующими профстандартами и критериями и механизмами контроля и оценки; обособленные учебные программы, комплекты знаний, умений, навыков, компетенций и т.п. в вузах; отдельные академические институты и их разграниченные подразделения; отдельные диссертационные советы; специальные журналы и перечни ВАК; механизмы работы научных фондов и институционализированные процедуры оценки грантовых заявок, выделения грантов и оценки отчетов по грантам; в целом, логика специализации как рамка нормальной научной/исследовательской карьеры от поступления в вуз до самых высоких академических успехов и достижений. Это не полный перечень. Эти институциональные ограничители, каждый по отдельности и все вместе, создают для каждого социолога набор рамок, внутри которых действуют понятные правила и его деятельность прозрачна для контроля и оценки по этим правилам; эти механизмы контролируют профессиональную карьеру во всех ее элементах (учеба, преподавание, исследовательская работа, заявка на грант, подача публикации в журнал, предоставление отчета, прохождение конкурса на должность и т.д. и т.п.); включение социологом в свою деятельность элементов, не подпадающих под эти каноны и правила и/или подпадающих под каноны и правила, заданные другими наборами институционализированных рамок, создают для него карьерные риски (низкие оценки за учебные работы, недопущение диплома или диссертации к защите, коллегияльный критический разнос исследования, отклонение статьи или книги, отклонение заявки на грант, непринятие отчета по гранту, потеря должностной позиции и т.д. и т.п.). Большинство социологов не имеют мотивов к таким девиациям, в том числе героическим (в смысле Э. Хьюза).

1.1. Вся профессиональная социализация и жизнь социолога, если она реализуется в формальных институтах, вписана в обособленные русла, ниши, подразделения,

сегменты, должностные позиции, коллегиальные круги, языки, контексты и интеллектуальные культуры.

1.2. На практике эта вписанность блокирует или затрудняет контакты с другими специальными областями, институтами, подразделениями, руслами, нишами, взглядами, языками, контекстами, интеллектуальными кругами – на основе обычного разделения типа «свой–чужие», «понятные–странные».

1.3. Институционально определенные «мы» – точки опоры в жизни, работе, знании, здравом смысле, ограниченной нормально воспринимаемой, понятной, отзывчивой, предсказуемой профессиональной среде.

1.4. Затрудненность междисциплинарных контактов проявляет себя как сложность самой их организации, как сложность установления взаимного понимания и общего языка, как сложность выработки интеллектуальных гибридных и синтезов (общего гибридного языка и гибридного канона), как сложность создания стабильных междисциплинарных площадок (таких как постоянно действующие семинары или междисциплинарные журналы) и т.д. Там, где такие площадки устанавливаются, они могут иметь несерьезный и анекдотический (с точки зрения ключевых агентов контроля) характер. Создаваемая в них продукция плохо переводится в заработок, должностную позицию, уважаемые публикации и серьезную научную репутацию. Рабочие консенсусы, достигаемые на таких площадках (если достигаются) чаще всего остаются просто суммами и не перерастают в нечто большее; за пределами этих площадок участники продолжают оставаться в своих нишах и развивают научную деятельность, подобающую этим нишам. Важнейшее ограничение для развития и укрепления подобных площадок и создаваемых в них консенсусов – отсутствие ресурсов для их институционализации; чаще всего они остаются любительскими начинаниями полудосугового характера, заканчивающимися ровно тогда, когда у участников иссякает энтузиазм по поводу разумности/целесообразности таких трат своего свободного времени.

Литература

1. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
2. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 115.